

В Вологодской губернии 1899.

Дана 27 мая 1903 года

ВОЛОГОДСКАЯ ГИМНАЗИЯ.

8(с)Р

С В I

КР

0433352

29 мая 1903 года
3 Санкт-Петербург, Канц
на ивештии о немъ.

СТОЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ

СО ДНЯ РОЖДЕНІЯ

А. С. ПУШКИНА

27 мая 1899 года.

Харьковъ.

Типографія «Южнаго Края», Сулѣвская ул., д. А. А. Говефовича.

1900.

Уч. Кн. П. Анисимовъ

СТОЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ

СО ДНЯ РОЖДЕНІЯ

А. С. ПУШКИНА

27 мая 1899 года.

Харьковъ.

Типографія «Южнаго Края», Сумская ул., д. А. А. Гозефовича.

1900.

33352

Редактор *Б. С. Григорьев*
Техн. редактор *Л. Б. Вейнтрауб*

Л 49663. Сдано в производство 16/III
1945 года. Подписано к печати 29/IV
1945 года. Печ. листов 24. Авт. ли-
стов 20. Тираж 10 000.
Заказ 950. Цена 25 руб.

3-я Типография «Красный пролета-
рий» треста «Полиграфкнига»
ОГИЗа при СНК РСФСР, Москва,
Краснопролетарская, 16.

$\frac{8(c)p}{c-81} + 92$ ПУШКИН, А. С.

45

Дозволено цензурою. Харьковъ, 8 Мая 1900 г.

I. Описаніе Пушкинскихъ торжествъ.

26 и 27 мая 1899 года Вологодская губернская гимназія, наравнѣ съ другими гимназіями Россіи, праздновала столѣтній юбилей со дня рожденія величайшаго русскаго поэта, Александра Сергѣевича Пушкина. Юбилейныя торжества были распредѣлены на два дня.

26 мая, въ 9 час. утра, въ домово́й гимназической церкви была отслужена заупокойная литургія и панихида по А. С. Пушкинѣ о. законоучителемъ гимназіи, Н. А. Коноплевымъ, въ присутствіи и. д. директора, В. И. Тузова, всѣхъ преподавателей и воспитанниковъ, которые еще не разѣхались на каникулярное время.

Передъ панихидой о. законоучитель произнесъ приличное торжеству слово, въ которомъ старался обрисовать нравственный образъ поэта.

По окончаніи панихиды, какъ преподаватели, такъ и воспитанники собрались въ гимназическій залъ, гдѣ состоялся торжественный актъ. Когда мѣста были за-

няты, хоръ воспитанниковъ гимназіи исполнилъ „актовую пѣснь“, Главача, послѣ которой ученикъ VIII класса, Н. Воейковъ, прочиталъ стихотвореніе Лермонтова: „На смерть Пушкина“. Затѣмъ хоръ пропѣлъ „юбилейный гимнъ“ Пушкину, а преподаватель русскаго языка, И. Е. Устиновъ, произнесъ рѣчь—о значеніи поэзіи Пушкина.

Актъ закончился исполненіемъ передъ портретомъ Государя Императора „народнаго гимна“, вызвавшего дружное троекратное „ура“. Послѣ акта ученикамъ, собравшимся по классамъ, были розданы классными наставниками на память о юбилейномъ торжествѣ бронзовые жетоны съ изображеніемъ Пушкина на лицевой сторонѣ и годовъ 1799—1899—на оборотной.

27 мая, въ праздникъ Вознесенія Господня, въ актовомъ залѣ гимназіи состоялась *Пушкинскій музыкально-литературный вечеръ*, по слѣдующей программѣ:

Отдѣленіе I.

- 1) Юбилейный маршъ, соч. Влоп. Исп. *Оркестръ*.
- 2) „Воспитательное значеніе поэзіи Пушкина“.
Рѣчь ученика VIII класса, *Н. Воейкова*.
- 3) Арія Ленскаго изъ оперы Чайковскаго „Ев. Онѣгинъ“.
Исп. ученикъ VII класса, *И. Крыловъ*.

- 4) Сцена въ кельѣ Чудова монастыря изъ драмы „Борисъ Годуновъ“.
Исп. ученики VII класса, *Н. Комаровскій и Л. Красненьковъ.*
- 5) Гимнъ Пушкину. Слова Случевского, муз. Главача . . . Исп. *Хоръ.*
- 6) Вальсъ „Ожиданіе“, соч. * * * Исп. *Оркестръ.*
- 7) „Была та смутная пора“... Отрывокъ изъ поэмы „Полтава“.
Исп. ученикъ VI кл. . . . *Г. Котляровъ.*

Отдѣленіе II.

- 1) „И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
„Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ“.
Рѣчь ученика VIII кл., *С. Петрова.*
- 2) Гимнъ Пушкину, соч. Главача. Исп. *Оркестръ.*
- 3) Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ. Баллада.
Исп. ученикъ V кл. . . . *Г. Рошеръ.*
- 4) Я помню чудное мгновенье. Романсъ.
Соло на флейтѣ. Исп. уч. VII кл., *Ө. Щекотовъ.*
- 5) Пиръ Петра Великаго. Слова Пушкина. Муз. Зайцева . . Исп. *Хоръ.*
- 6) Тиха украинская ночь. Отрывокъ изъ поэмы „Полтава“.
Исп. ученики VI кл. . . . *И. Архангельскій и Г. Котляровъ.*
- 7) Попури изъ оперы Чайковского „Ев. Онѣгинъ“ Исп. *Оркестръ.*
- 8) Монологъ барона изъ „Скупого Рыцаря“. Исп. уч. VII кл., *Н. Фалинъ.*
- 9) Стихотвореніе. Соч. уч. VIII кл., *П. Солтанъ.*
- 10) Боже, Царя храни! Исп. *Хоръ.*

Во время вечера въ залѣ были поставлены на возвышеніи два портрета Пушкина, декорированные національными флагами и зеленью. Кромѣ лицъ педагогическаго персонала съ ихъ семействами, учениковъ и ихъ родителей, вечеръ удостоили своимъ посѣщеніемъ: г. Начальникъ губерніи, графъ А. А. Мусинъ-Пушкинъ, г. Вице-губернаторъ, А. А. Лаппа-Старженецкій и другіе почетные гости. Не смотря на неполный составъ оркестра и хора, вѣлѣдствіе того, что нѣкоторые изъ воспитанниковъ разѣхались, — вечеръ прошелъ весьма оживленно и вызвалъ полное одобреніе со стороны многочисленной публики, а ученики гимназіи, конечно, сохранять надолго пріятныя воспоминанія о Пушкинскомъ торжествѣ.

II. Слово о. законоучителя, Н. А. Коноплева.

Христось Воскресе!

Мы собрались нынѣ, братіе, молитвенно почтить память великаго русскаго поэта, А. С. Пушкина. Юбилейныя поминки по немъ справляетъ нынѣ вся земля русская, а вмѣстѣ съ ней и церковь православная. Искони на святой Руси такъ повелось, что торжество гражданское вмѣстѣ съ тѣмъ

есть и торжество церковное, ибо церковь и отечество—у насъ понятія нераздѣльные.

Пушкинъ былъ великій гражданинъ земли русской, а вмѣстѣ съ тѣмъ и послушный сынъ святой церкви православной. Русская поэзія въ лицѣ Пушкина достигла такого развитія и совершенства, какихъ ранѣе она никогда не имѣла. Пушкинъ является родоначальникомъ художественно-народнаго періода въ русской литературѣ. Онъ первый своимъ словомъ и примѣромъ училъ русскихъ любить свое отечество и отечественное, родное. Онъ первый на красотахъ родной земли сталъ развивать эстетическое чувство своихъ многочисленныхъ читателей-соотечественниковъ. Съ его времени совершенно исчезаетъ то сложное понятіе, которое такъ долго царило въ исторіи нашей литературы, что все русское—не заслуживаетъ вниманіе поэзіи, все это—ничтожное и пустое, а истинное совершенство—внѣ нашего отечества, на западѣ. Велика его заслуга передъ отечествомъ, что онъ первый началъ художественно изображать прекрасныя картины земли родной и великія явленія исторической жизни русскаго народа. Этимъ онъ показалъ во очію, что какъ въ природѣ русской есть прекрасныя, величественныя предметы, такъ и въ русской жизни и исторіи есть истинно вели-

кія и прекрасныя явленія. Этимъ онъ и заставилъ полюбить свое отечество. А въ отечествѣ-то что? Прежде всего—вѣра православная. И вотъ мы въ лицѣ Пушкина впервые встрѣчаемъ сердечную любовь къ древне-рускимъ литературнымъ произведеніямъ, по преимуществу ролигіознаго содержанія, особенно къ лѣтописямъ, изъ которыхъ онъ часто почерпалъ источники своего вдохновенія. Вспомнимъ также, съ какимъ высокимъ уваженіемъ поэтъ, въ пору полной зрѣлости и расцвѣта своего таланта, относился къ св. Библии, которая также не разъ была источникомъ его вдохновенія. Вспомнимъ и то, съ какимъ сердечнымъ трепетомъ поэтъ внималъ арфѣ серафима (обличительнымъ стихамъ митрополита Филарета), когда эта арфа изрекала суровое слово обличенія его юнымъ увлеченіямъ и заблужденіямъ.

Вспомнимъ далѣе, съ какимъ глубокимъ чувствомъ живописуетъ намъ поэтъ образъ церковнаго пастыря, „вождя подѣ знаменемъ креста, могучаго разрѣшителя грѣховъ, врача духовной скорби, служителя за насъ распятаго Христа.“ Вспомнимъ, въ какіе прекрасные звуки облекалось у него содержаніе молитвъ церковныхъ, напр., молитвы св. Ефрема Сирина. Вспомнимъ, наконецъ, свидѣтельство напутствовавшего

его предъ смертію пастыря церкви, что поэтъ исполнилъ долгъ христіанскій съ такимъ глубокимъ чувствомъ, съ какимъ исполняютъ этотъ долгъ рѣдкіе изъ христіанъ.

Послѣ вѣры—въ отечествѣ нашемъ царь православный. Въ своемъ лицѣ поэтъ показалъ намъ истинный образъ вѣрноподданнаго сына. Въ молодости, въ пору увлеченій, поэтъ не разъ навлекалъ на себя справедливый гнѣвъ своего Державнаго Покровителя. Но этотъ гнѣвъ не только не ослабилъ въ опальномъ поэтѣ сыновней преданности своему Государю, но усугублялъ еще болѣе, ибо въ изъявленіяхъ царскаго гнѣва всегда было что-то нѣжное, отеческое. Царю поэтъ слагалъ нельстивую хвалу, выражая ее звуками своего искренняго чувства, говоря языкомъ любящаго сердца. Ибо царь, по словамъ поэта, кого караетъ явно, тѣмъ втайнѣ милость творить. Царю ввѣряетъ поэтъ свои заветныя мечты и упованія, „да увидитъ народъ неугнетенный и рабство, падшее по манію царя. Трогательная, взаимно-нѣжная любовь поэта къ царю завершилась въ предсмертныя минуты его, когда царь истинно-любящимъ, отеческимъ сердцемъ отозвался на послѣдній земной крикъ поэта, а умирающій поэтъ сыновне просилъ прощенія

у своего Державнаго Покровителя и, получивъ его, какъ-то судорожно поднимъ руки къ небу и изрекъ слѣдующіи многозначительныя слова: „скажите Государю, что я желаю Ему долгаго, долгаго царствованія, что я желаю Ему счастья въ его Сынѣ, что я желаю Ему счастья въ Его Россіи“.

Братіе! Христіанство требуетъ отъ чловѣка гармоническаго развитія всѣхъ силъ и способностей. Въ образованіи чловѣка оно особенное значеніе придаетъ воспитанію сердца, ибо сердце почитается корнемъ существа чловѣческаго, средоточіемъ его духовной жизни. Въ числѣ средствъ къ образованію сердца одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ занимаетъ развитіе чувства прекраснаго или эстетическаго. Стремленіе къ красотѣ глубоко коренится въ природѣ чловѣка. Стремленіе это въ своемъ глубочайшемъ основаніи есть какъ бы воспоминаніе о потерянномъ раѣ или предощущеніе будущаго вѣчнаго блаженства. Вотъ почему эстетическое чувство составляетъ для насъ источникъ чистаго и высокаго наслажденія и весьма много содѣйствуетъ образованію нашего сердца. Чувство это вызывается въ душѣ прекрасными произведеніями природы и изящныхъ искусствъ, среди которыхъ первое мѣсто, по справед-

ливости, занимаетъ поэзія. Вотъ почему нашъ Пушкинъ великъ для насъ не только какъ лучшій благороднѣйшій гражданинъ, но и какъ христіанинъ. Ему Богъ далъ всѣ пять талантовъ. Дары эти онъ не зарылъ въ землю, а употребилъ ихъ съ великою пользою для ближняго.

И вотъ теперь, безмолвно, изъ гроба своего онъ поучаетъ насъ не только своими безсмертными произведеніями, но и собственнымъ своимъ примѣромъ, — поучаетъ трудолюбію, любви къ отечеству, преданности св. церкви и царю православному.

Собравшись нынѣ молитвенно почтить память величайшаго изъ нашихъ поэтовъ, возблагодаримъ-же, братіе, Милосердаго Бога, даровавшаго намъ столь великаго поэта, ибо отъ Бога исходитъ всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ. Запечатлѣемъ въ душѣ своей глубоко-поучительный, въ высшей степени симпатичный образъ нашего поэта и, сердечно признательные ему за то добро, которое онъ сдѣлалъ нашему отечеству и въ частности каждому изъ насъ, усердно помолимся объ упокоеніи души его. Аминь.

III. Рѣчь преподавателя русскаго языка, И. Е. Устинова: „О значеніи поэзіи Пушкина“.

Милостивыя Государыни и
Милостивые Государи!

За тысячу лѣтъ жизни нашего отечества у насъ не было литературнаго таланта выше Пушкина, не было полнаго выразителя русскихъ національныхъ идеаловъ, русскаго міросозерцанія. Вотъ почему, по моему мнѣнію, сегодняшнее торжество по случаю столѣтняго дня рожденія гениальнаго поэта есть вмѣстѣ съ тѣмъ торжество тысячелѣтня духовной жизни Россіи. Если-бы громъ пушекъ встрѣтилъ этотъ день; если-бы колокола звонили, гимны распѣвались, огни горѣли, русскіе флаги развѣвались и поднимающія душу слезы умиленія виднѣлись на лицахъ благодарныхъ гражданъ,—кто былъ бы недоволенъ такимъ единственнымъ праздникомъ на протяженіи цѣлаго столѣтія? Кто былъ-бы недоволенъ чествованіемъ поэта, который, по убѣжденію Достоевскаго, а съ нимъ и многихъ другихъ, напр. Гоголя, понялъ русскій народъ и достигъ его назначеніе въ такой глубинѣ и обширности, какъ никогда и никто; кто по обширности и глубинѣ своего генія царитъ и до сихъ поръ,

какъ солнце, надъ всѣмъ нашимъ русскимъ интеллигентнымъ міровоззрѣніемъ“? „Любовь Пушкина къ народу“, какъ говоритъ Достоевскій, „была всеобъемлющею, такую любовью, какой еще никто не выказывалъ до него“. „Пушкинъ любитъ народъ не за одни только страданія его. За страданія сожалѣютъ, а сожалѣніе часто идетъ рядомъ съ презрѣніемъ. Пушкинъ любилъ все, что любитъ этотъ народъ, читилъ все, что тотъ чтитъ. Онъ любилъ природу русскую до страсти, до умиленія, любилъ деревню русскую. Это былъ не баринъ милостивый и гуманный, жалѣющій мужика за его горькую участь,—это былъ человѣкъ, самъ перевоплотившійся сердцемъ своимъ въ простолюдина, въ суть его, почти въ образъ его“. Вспомните его „Деревню“. Что Пушкинъ говоритъ тутъ?..

„Но мысль ужасная здѣсь душу омрачаетъ:
Среди цвѣтущихъ нивъ и горъ,
Другъ человѣчества печально замѣчаетъ
Вездѣ невѣжества губительный позоръ.
Не видя слезъ, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона,
Присвоило себѣ насильственной лозой
И трудъ, и собственность, и время земле-
дѣльца.
Склоняся на чуждый плугъ, покорствуя
бичамъ,

Здѣсь рабство тощее влачится по браздамъ
Неумолимаго владѣльца.

Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ;
Надеждъ и склонностей въ душѣ питать
не смѣя,

Здѣсь дѣвы юныя цвѣтутъ

Для прихоти развратнаго злодѣя.

Опора милая старѣющихъ отцовъ,

Младые сыновья, товарищи трудовъ,

Изъ хижины родной идутъ собою множить
Дворовыя толпы измученныхъ рабовъ“.

.....
„Увижу-ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство, падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ-ли, наконецъ, прекрасная заря“?

Да вѣдь тутъ вся эпоха крѣпостнаго
права! А какая сила любви къ народу!..

Такъ любить народъ могъ только Пушкинъ. Онъ призывалъ къ нему любовь и уваженіе, находилъ въ немъ человѣческія черты и образы человѣка, звалъ всѣхъ къ примиренію, единенію, къ братской любви. Вотъ почему съ такою любовью онъ воспѣваетъ народъ въ его преданіяхъ и бытѣ. Для общества своего времени Пушкинъ прямо открылъ нашу деревню въ ея ежедневной и спокойной красѣ. Вспомните, на примѣръ, его чудное стихотвореніе:

„Зима. Крестьянинъ, торжествуя,
На дровняхъ обновляетъ путь.

Его лошадка, снѣгъ почув,
Плетется рысью какъ-нибудь.
Бразды пушистыя взрывая,
Летитъ кибитка удалая;
Ямщикъ сидитъ на облучкѣ
Въ тулупѣ, въ красномъ кушачкѣ“.

Развѣ тутъ не „русскій духъ“, не „Русью пахнетъ?“... Прочтите его чудную драматическую поэму, „Русалка“; она вся насквозь проникнута „преданьями старины глубокой“, ея традиціями. Поэтому и интересуется народъ Пушкинымъ и знаетъ его—и „Буря мглою небо кроетъ“, и „Послѣднюю тучу“, и „Утопленника“, и „Бѣсы“, и „Царя Салтана“. Онъ до сихъ поръ распѣваетъ произведеніе пятнадцатилѣтняго лицеиста-Пушкина, вѣрнѣе романсъ,—„Подъ вечеръ, осенью ненастной“ или извѣстную его балладу „Черная шаль“, которую поэтъ написалъ въ Кишиневѣ, въ 1820 году, на пѣсни трактирной служанки, и которую еще задолго до ея напечатанія уже твердили наизусть въ Кіевѣ. Такъ понравился и сюжетъ, и фактура стиха этой баллады, начинающейся словами:

„Когда легковѣренъ и молодъ я былъ,
Младую гречанку я страстно любилъ“.

Недавно, по иниціативѣ ярославскаго губернатора, г. Штюмера, были произве-

дены очень интересныя статистическія изслѣдованія о распространенности сочиненій Пушкина въ населеніи и школахъ Ярославской губерніи. Оказалось, что во многихъ мѣстахъ Ярославской губерніи населеніе не только знаетъ, но и замѣтно интересуется произведеніями великаго поэта. Такъ, не рѣдко можно встрѣтить въ крестьянской избѣ то или иное изъ изданій Пушкина, иногда и полное собраніе его сочиненій; многіе берутъ Пушкина изъ библиотекъ; дѣти охотнѣе учатъ стихотворенія Пушкина, чѣмъ стихотворенія другихъ поэтовъ; сказки Пушкина передаются изъ устъ въ уста и т. д. Есть уѣзды, гдѣ почти половина населенія можетъ быть признана знакомой съ Пушкинымъ, напр., уѣзды Рыбинскій и Угличскій.

Есть мѣстности, гдѣ Пушкина не только знаютъ, но и уважаютъ: есть, напр., одна школа, гдѣ Пушкинъ— нарицательное слово, которымъ называютъ всякаго автора. „Дай мнѣ изъ Пушкина о двѣнадцатомъ годѣ или про разныя историческія дѣла“, говорятъ крестьяне, обращаясь къ бібліотекарю. А на самомъ дѣлѣ они подразумѣваютъ здѣсь Толстого, Полевого и др. Очень жаль, что нѣтъ подобныхъ изслѣдованій относительно другихъ губерній; впрочемъ, можно съ увѣренностью

сказать, что не только въ отношеніи какой-нибудь одной губерніи, но и въ описаніи всей необъятной Руси результаты подобныхъ изслѣдованій должны быть не менѣе оптимистическіе.

Пушкинъ не только народный, но и національный поэтъ. На національный элементъ въ поэзіи Пушкина указалъ еще Гоголь. Онъ назвалъ Пушкина національнымъ поэтомъ въ томъ смыслѣ, что Пушкинъ замѣчательно художественно воспроизвелъ всю русскую жизнь, и въ крупныхъ и въ мелкихъ ея проявленіяхъ, — жизнь не только простого народа, массы народонаселенія, а жизнь всей русской націи, всѣхъ ея сословіій, отъ низшаго до высшаго, составляющихъ государственное тѣло. „Онъ (т. е. Пушкинъ), по замѣчанію Гоголя, при самомъ началѣ своемъ уже былъ націоналенъ, потому что истинная національность состоитъ не въ описаніи сарафана, а въ самомъ духѣ народа. Поэтъ даже можетъ быть и тогда націоналенъ, когда описываетъ совершенно сторонній міръ, но глядитъ на него глазами своей національной стихіи, глазами всего народа, когда чувствуетъ, говоритъ такъ, что соотечественникамъ его кажется, будто это чувствуютъ и говорятъ они сами“. Таковъ въ дѣйствительности и былъ Пушкинъ. Прочтите его

чудную драматическую поэму— „Каменный гость“. Она и по природѣ страны, и по нравамъ своихъ героевъ такъ и дышетъ воздухомъ Испаніи; прочтите его „Египетскія ночи“: вы будете перенесены въ самое сердце жизни издыхающаго древняго міра,—но вы чувствуете, понимаете, что жизнь эта освѣщается съ точки зрѣнія истинно русскаго геніальнаго поэта, какимъ былъ Пушкинъ. Такихъ примѣровъ удивительной способности Пушкина быть какъ у себя дома во многихъ и самыхъ противоположныхъ сферахъ жизни мы могли бы привести много, но довольно и этихъ. И что-же это доказываетъ, какъ ни его художническую многосторонность? Если онъ съ такою истиною описывалъ природу и нравы даже никогда не виданныхъ имъ странъ, то какъ-же-бы его изображенія русской жизни и русской природы не отличались поразительной вѣрностью дѣйствительности? Чтобы не быть голословнымъ, перейду къ фактамъ.

Прочтите „Евгенія Онѣгина“,—эту поэму современной Пушкину дѣйствительной жизни не только со всею ея поэзіею, но и со всею ея прозою. Тутъ и богатая весна, и жаркое лѣто, и гнилая, дождливая осень, и морозная зима; тутъ и столица, и деревня, и жизнь столичнаго денди,

и жизнь мирныхъ помѣщиковъ, ведущихъ между собою незанимательный разговоръ— „о сѣнокосѣ, о винѣ, о псарнѣ, о своей роднѣ“; тутъ и мечтательный помѣщикъ Ленскій, и тривіальный забіяка и сплетникъ Зарѣцкій; то передъ вами прекрасное лицо любящей женщины, то сонная рожа трактирнаго слуги, отворяющаго съ метлой въ рукѣ дверь кофейной,— и всѣ они, каждый по своему, прекрасны и исполнены поэзіи. Пушкину не нужно было ѣздить въ Италію за картинами прекрасной природы: прекрасная природа была у него подъ рукою,—здѣсь, на Руси, на ея плоскихъ и однообразныхъ степяхъ, подъ ея вѣчно-сѣрымъ небомъ, въ ея печальныхъ деревняхъ и въ ея богатыхъ и бѣдныхъ городахъ.

„Унылая пора! Очей очарованье!
Пріятна мнѣ твоя прощальная краса;
Люблю я пышное природы увяданье,
Въ багрецѣ и золото одѣтые лѣса,
Въ ихъ сѣняхъ вѣтра шумъ и свѣжее ды-
ханье,

И мглой волнистою покрыты небеса,
И рѣдкій солнца лучъ, и первые морозы,
И отдаленныя сѣдой зимы угрозы“.

Развѣ это не русская осень? А вотъ и зима.

„Подъ голубыми небесами
Великолѣпными коврами,
Блестя на солнцѣ, снѣгъ лежитъ;

Прозрачный лёсъ одинъ чернѣть
И ель сквозь иней зеленѣть,
И рѣчка подо льдомъ блестить.
Вся комната янтарнымъ блескомъ
Озарена. Веселымъ трескомъ
Трещить затопленная печь.
Пріятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велѣть-ли въ санки
Кобылу бурюю запречь?
Скользя по утреннему снѣгу,
Другъ милый, предадимся бѣгу
Нетерпѣливаго коня
И навѣстимъ поля пустыя,
Лѣса, недавно столь густые,
И берегъ милый для меня“.

А сколько поэзіи открылъ Пушкинъ даже въ незатѣйливой сѣренькой жизни нашего простолюдина и въ бѣдной природѣ нашей страны; какъ онъ сумѣлъ полюбить и эту жизнь, и эту „равнодушную“ природу и пробудить то-же чувство въ каждомъ истинно-русскомъ человѣкѣ!

„Иныя нужны мнѣ картины:
Люблю песчаный косогоръ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калитку, сломанный заборъ,
На небѣ сѣренькія тучи,
Передъ гумномъ соломы кучи
Да прудъ подъ сѣнью липъ густыхъ.
Раздолье утокъ молодыхъ.
Теперь мила мнѣ балалайка
Да пьяный топоть трепака
Передъ порогомъ кабака;

Мой идеаль теперь—хозяйка,
Мои желанія—покой,
Да щей горшокъ, да самъ большой“.

Возьмемъ еще стихотвореніе:

„Смотри, какой здѣсь видъ: избушекъ рядъ
убогій,
За ними черноземъ, равнины скатъ отлогіи,
Надъ ними сѣрыхъ тучъ густая полоса.
Гдѣ-жъ нивы свѣтлыя? Гдѣ темные лѣса?
Гдѣ рѣчка? На дворѣ у низкаго забора,
Два бѣдныхъ деревца стоятъ въ отраду вѣтру.
Два только деревца, и то изъ нихъ одно
Дождливой осенью совсѣмъ обнажено.
А листья на другомъ, размокши и желтыя,
Чтобъ лужи засорить, ждутъ перваго Борся.
И только. На дворѣ живой собаки нѣтъ.
Вотъ, правда, мужичекъ: за нимъ двѣ бабы
вслѣдъ.
Безъ шапки онъ: несетъ подъ мышкой
гробъ ребенка
И кличетъ издали лѣниваго попенка,
Чтобъ тотъ отца позвалъ да церковь отворилъ
Скорѣй: ждать некогда, давно-бъ ужъ
схоронилъ“!..

Сколько тутъ трагизма! Какое тонкое пониманіе человѣческой души, безысходнаго горя, безотраднѣйшей окружающей обстановки! Такая поэзія должна сильно дѣйствовать на воспитаніе и образованіе чувствъ въ человѣкѣ. Въ этомъ отношеніи заслуги Пушкина неоспоримы.

Также замѣчательно правдиво и художественно Пушкинъ изображалъ и город-

скую жизнь, жизнь среднего и высшего общества, въ которомъ находилъ немало привлекательныхъ сторонъ.

Вспомнимъ слова Алеко Земфирѣ:

„О чемъ жалѣть? Когда-бы ты знала,
 Когда-бы ты воображала
 Неволю душныхъ городовъ!
 Тамъ люди въ кучахъ, за-оградой
 Не дышать утренней прохладой,
 Ни вешнимъ запахомъ луговъ,
 Любви стыдятся, мысли гонять,
 Торгуютъ волею своею,
 Главы предъ идолами клонять
 И просятъ денегъ да цѣпей.
 Что бросилъ я? Измѣнъ волненье
 Предразсужденій приговоръ,
 Толпы безумное гоненье
 Или блистательный позоръ“.

Въ лицѣ графа Нулина поэтъ, съ неподражаемымъ мастерствомъ, изобразилъ одного изъ тѣхъ пустыхъ людей высшего свѣтскаго круга, которые такъ обыкновенны въ жизни. Наталья Павловна—типъ молодой помѣщицы новыхъ временъ, которая воспитывалась въ пансіонѣ, въ дѣлѣ моды не отстаетъ отъ вѣка, хотя живетъ въ глуши, о хозяйствѣ не имѣетъ никакого понятія, читаетъ чувствительные романы и зѣвааетъ въ обществѣ своего мужа—истиннаго степного медвѣдя и псаля. Въ этой повѣсти все такъ и дышетъ русскою при-

родою, сѣренными красами русскаго деревенскаго быта.

Есть у Пушкина баллада „Женихъ“, написанная имъ въ 1825 году. Эта баллада и со стороны формы, и со стороны содержанія насквозь проникнута русскимъ духомъ, и о ней, какъ о „Русланъ и Людмила“, даже съ бѣльшимъ правомъ, можно сказать:

„Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ“.

Выпишемъ изъ нея сцену сватовства:

..На утро сваха къ имъ на дворъ

Нежданная приходитъ.

Наташу хвалить, разговоръ

Съ отцомъ ея заводитъ:

„У васъ товаръ, у насъ кушечъ,

Собою парень молодецъ,

И статный, и проворный,

Нездорный, незадорный,

Богатъ, уменъ, ни передъ кѣмъ

Не кланяется въ иносъ,

А, какъ бояринъ, между тѣмъ

Живеть, не безпокоясь.

А подарить невѣстѣ вдругъ

И лисью шубу, и жемчугъ,

И перстни золотые,

И платья парчевыя.

Катаюсь, видѣлъ онъ вчера

Ее за воротами;

Не поругамъ-ли, да съ двора,

Да въ церковь съ образами?“

Она сидитъ за пирогомъ,

Да рѣчь ведетъ обинякомъ,

А бѣдная невѣста
Себѣ не видитъ мѣста,
Согласенъ, говорить отецъ;
Ступай благополучно,
Моя Наташа, подъ вѣнецъ:
Одной въ свѣтелкѣ скучно,
Не вѣкъ дѣвицей вѣковать,
Не все касаткѣ распѣвать,
Цѣра гнѣздо устроить,
Чтобъ дѣтушекъ покоить“.

И такова вся эта баллада, отъ перваго до послѣдняго слова! Въ народныхъ русскихъ пѣсняхъ, вмѣстѣ взятыхъ, не больше русской народности, сколько заключено ея въ этой балладѣ! Міръ, такъ вѣрно и ярко изображенный въ этой балладѣ, слишкомъ доступенъ для всякаго таланта уже по слишкомъ рѣзкой его особенности. Чувство и страсть людей этого міра такъ однообразны въ своемъ проявленіи; общественныя отношенія людей этого міра такъ просты и несложны, что для изображенія такой жизни не нужно быть гениемъ, но дѣло не въ томъ: это обстоятельство нисколько не умаляетъ заслугъ гениальнаго поэта, такъ какъ Пушкинъ съ удивительнымъ мастерствомъ изображаетъ болѣе сложную жизнь, болѣе высокія ея проявленія, и не только русскую жизнь, но и жизнь другихъ народовъ, какъ я уже говорилъ объ этомъ. Вотъ въ этомъ отноше-

ни онъ и гениаленъ! Онъ одинаково художественно изображаетъ и несложныя чувства и страсти людей, и все разнообразіе страстей, всѣ тонкіе до безконечности оттѣнки чувствъ, безчисленно многосложныя отношенія людей, общественныя и частныя. Въ этомъ отношеніи рекомендую романъ Пушкина „Евгеній Онѣгинъ“, въ которомъ поэтъ представилъ нравственную физиономію наиболѣе оевропеившагося, если можно такъ сказать, сословія, въ которомъ исключительно выразился прогрессъ русскаго общества, а также замѣчательно художественно изобразилъ и деревенскую жизнь, жизнь помѣщиковъ. Вотъ, на примѣръ, характеристика помѣщицы Лариной:

„Она ѣзжала по работамъ,
Солила на зиму грибы,
Вела расходы, брила лбы,
Ходила въ баню по субботамъ,
Служанокъ била осердясь,
Все это мужа не спросясь.
Бывало, писывала кровью
Она въ альбомы нѣжныхъ дѣвъ,
Звала Полиною Прасковью
И говорила нараспѣвъ;
Корсетъ носила очень узкій,
И русскій Н, какъ N французскій
Произносить умѣла въ носъ.
Но скоро все перемѣнилось:
Корсетъ, альбомъ, княжну Полину,
Стишковъ чувствительныхъ тетрадь

Она забыла: стала звать
Акулькой прежнюю Селину,
И обновила, наконецъ,
На ватѣ шлафрокъ и ченець“.

А вотъ яркая картина внутренней, домашней жизни народа, его взгляды на отношеніе половъ, на любовь, на бракъ:

.....„Разскажи мнѣ, няня,
Про ваши старые года:
Была ты влюблена тогда?“
— И, полно, Таня! Въ эти лѣта
Мы не слышали про любовь;
А то согнала-бы со свѣта
Меня покойница свекровь.
„Да какъ-же ты вѣчалась, няня?“
— Такъ, видно, Богъ велѣлъ. Мой Вася
Моложе былъ меня, мой свѣтъ,
А было мнѣ тринадцать лѣтъ.
Недѣли двѣ ходила сваха
Бъ моей роднѣ, и, наконецъ,
Благословилъ меня отецъ.
Я горько плакала со страха;
Мнѣ съ плачемъ косу расплели
И съ пѣньемъ въ церковь повели.
И вотъ ввели съ семью чужую“....

Такъ можетъ писать только истинно народный, истинно національный поэтъ!

А вотъ какъ характеризуетъ поэтъ представительницъ большого свѣта, ихъ мертвенность, холодъ, чепорность и сухость:

„Причудницы большого свѣта!
Всѣхъ прежде васъ оставилъ онъ.
И правда то, что въ наши лѣта
Довольно скученъ высшій тонъ.“

Хоть, можетъ быть, иная дама
Толкуеть Сея и Бентама;
Но вообще ихъ разговоръ
Несносный, хотъ невинный вздоръ.
Къ тому-жь онѣ такъ неспорчны,
Такъ величавы, такъ умны,
Такъ благочестія полны,
Такъ осмотрительны, такъ точны,
Такъ непреступны для мужчинъ,
Что видъ ихъ ужъ рождаетъ сплинъ.“

А вотъ, въ противоположность, чудный,
чарующій образъ русской женщины въ
лицѣ Татьяны:

„Онѣгинъ, помните-ль тотъ часъ,
Когда въ саду, въ алеѣ насъ
Судьба свела, и такъ смиренно
Урокъ вашъ выслушала я?
Сегодня очередь моя.
Онѣгинъ, я тогда моложе,
Я лучше, кажется, была,
И я любила васъ: и что-же?
Что въ ердцѣ вашемъ я нашла?
Какой отвѣтъ? — Одну суровость.
Не правда-ль? Вамъ была не новость
Смиренной дѣвочки любовь?
И пынче — Боже! — стынеть кровь,
Какъ только вспомню взглядъ холодный
И эту проповѣдь... Но васъ
Я не виню: въ тотъ страшный часъ
Вы поступили благородно,
Вы были правы предо мной:
„Тогда-не правда-ли? — въ пустынѣ,
Вдали отъ суетной молвы,
Я вамъ не правилась... Что-жь нынѣ
Меня преслѣдуете вы?“

Зачѣмъ у васъ я на примѣтѣ?
Не потому-ль что въ высшемъ свѣтѣ
Теперь являться я должна;
Что я богата и знатна;
Что мужъ въ сраженыхъ изувѣченъ;
Что насъ за то ласкаетъ дворъ?
Не потому-ль, что мой позоръ
Теперь-бы всѣми былъ замѣченъ
И могъ-бы въ обществѣ принести
Вамъ соблазнительную честь?
Я плачу... Если вашей Тани
Вы не забыли до сихъ поръ,
То знайте: колкость вашей брани,
Холодный, строгій разговоръ,
Когда-бъ въ моей лишь было власти;
Я предпочла-бъ обидной страсти
И этимъ письмамъ и слезамъ.
Къ моимъ младенческимъ мечтамъ
Тогда имѣли вы хоть жалость,
Хоть уваженіе къ лѣтамъ...
А нынче?.. Что къ моимъ ногамъ
Васъ привело? Какая малость!
Какъ съ вашимъ сердцемъ и умомъ
Быть чувства мелкаго рабомъ?
А мнѣ, Онѣгинъ, пышность эта,
Постылой жизни мишура,
Мои усѣхн въ вихрѣ свѣта,
Мой модный домъ и вечера,—
Что въ нихъ? Сейчасъ отдать и рада
Всю эту ветонь маскарада,
Весь этотъ блескъ, и шумъ, и чадъ
За полку книгъ, за дикій садъ,
За наше бѣдное жилище,
За тѣ мѣста, гдѣ въ первый разъ,
Онѣгинъ, видѣла я васъ,
Да за смиренное владбище,

Гдѣ нынче крестъ и тѣнь вѣтвей
Надъ бѣдной нянею моею.
А счастье было такъ возможно,
Такъ близко!.. Но судьба моя
Ужъ рѣшена. Неосторожно,
Быть можетъ, поступила я:
Меня съ слезами заклинаній
Молила мать: для бѣдной Тани
Всѣ были жребіи равны...
Я вышла замужъ. Вы должны,
Я васъ прошу, меня оставить;
Я знаю: въ вашемъ сердцѣ есть
И гордость, и прямая честь.
Я васъ люблю (къ чему лукавить?),
Но я другому отдана—
И буду вѣкъ ему вѣрна.“

Вотъ идеаль русскої женщины! Здѣсь нѣтъ возможности коснуться всѣхъ сторонъ этого превосходнаго романа, въ которомъ поэтъ сказалъ такъ много, намекнулъ о столь многомъ, что принадлежитъ исключительно къ міру русскої природы, къ міру русскаго общества. Недаромъ Бѣлинскій назвалъ „Евгенія Онѣгина“ энциклопедіей русскої жизни и въ высшей степени народнымъ произведеніемъ.

А сколько народныхъ картинъ древне-русскої жизни до-петровскаго времени въ безсмертной драмѣ „Борисъ Годуновъ?“ Какъ гениально изображенъ поэтомъ Преобразователь Россіи—Петръ Великій въ его поэмахъ: „Полтавѣ“, „Мѣдномъ всад-“

никъ“, въ его „стансахъ“ (въ надеждѣ славы и добра)! Скажите, какой поэтъ до сихъ поръ могъ рельефнѣе представить намъ образъ Великаго Преобразователя? Развѣ не безсмертны его слова:

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всозбъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ“.

Прочтите всю эту „Петриаду“, говоритъ Бѣлинскій, и вы узнаете, въ какой степени вправѣ назваться русскимъ всякое русское сердце... Прочтите его „Русалку“, гдѣ такъ поэтически изображены старинныя русскіе нравы: прочтите „Каменнаго гостя“,—вездѣ вы найдете много общечеловѣческаго, дѣйствительно реального, что непремѣнно остановитъ ваше вниманіе, пробудитъ вашъ интересъ, освѣтитъ ваши мысли, чувства, а своею дивною формою доставитъ вамъ высшее эстетическое наслажденіе.

Въ небольшомъ очеркѣ невозможно коснуться даже главныхъ предметовъ поэзіи Пушкина: такъ многочисленны, такъ разнообразны они, что мысль преклоняется въ изумленіи и восхищеніи передъ многостороннимъ гениемъ. Вотъ почему я съ болѣю въ сердцѣ перехожу къ заключенію.

„Пушкинъ“, какъ говоритъ Бѣлинскій, „былъ по преимуществу поэтъ-художникъ. Онъ далъ намъ поэзію, какъ искусство, какъ художество. И потому онъ навсегда останется великимъ образцовымъ мастеромъ, учителемъ искусства. Къ особеннымъ свойствамъ его поэзіи принадлежитъ ея способность развѣивать въ людяхъ чувство изящнаго и чувство гуманности, разумѣя подъ этимъ словомъ безконечное уваженіе къ достоинству человѣка, какъ человѣка“.

„Придетъ время“, продолжаетъ Бѣлинскій, „когда онъ будетъ въ Россіи поэтомъ классическимъ, по твореніямъ котораго будутъ образовывать и развѣивать не только эстетическое, но и нравственное чувство“.

И Бѣлинскій не ошибся. Пушкинъ до сихъ поръ живетъ во всѣхъ насъ, даже теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь. Прежде даже, чѣмъ выучились мы читать, мы уже слышали гармоническую рѣчь Пушкина въ его сказкахъ. Черезъ Пушкина прошли мы всѣ, начиная съ русскаго царя, великихъ князей, митрополитовъ, министровъ, генераловъ, архіереевъ, и кончая грамотнымъ крестьяниномъ. Послѣ молитвъ, мы тотчасъ твердили Пушкина, и поэтическая рѣчь его залегала въ нашемъ мозгу. Если исключить годы легкомысленной юности, когда муза Пушкина пошаливала, онъ во

все остальное время не оскорбилъ ни одного искренняго русскаго вѣрованія и отозвался на всѣ струны русскаго сердца. „Въ этомъ отношеніи“, говоритъ Бѣлинскій, „читая его творенія, можно превосходнымъ образомъ воспитать въ себѣ человѣка и такое чтеніе особенно полезно для молодыхъ людей обоого пола. Ни одинъ изъ русскихъ поэтовъ не можетъ быть столько, какъ Пушкинъ, воспитателемъ юношества, образователемъ юнаго чувства. Поэзія его чужда всего фантастическаго, мечтательнаго, ложнаго, призрачно-идеальнаго; она вся проникнута насквозь дѣйствительностью: она не кладетъ на лицо жизни бѣлилъ и румянъ, но показываетъ ее въ ея естественной, истинной красотѣ; въ поэзіи Пушкина есть небо, но имъ всегда проникнута земля. Поэтому поэзія Пушкина не опасна юношеству, какъ поэтическая ложь, разгорячающая воображеніе, — ложь, которая ставитъ человѣка во враждебныя отношенія съ дѣйствительностью, при первомъ столкновеніи съ нею, и заставляетъ безвременно и бесплодно истощать свои силы на гибельную съ ней борьбу.

И при всемъ этомъ, кромѣ высокаго, художественнаго достоинства формы, такое артистическое изящество человѣческаго

чувства“.—Доказательствомъ можетъ служить почти каждое стихотвореніе Пушкина. Прочтите его всего,—не одни только известныя его произведенія,—но всего: его бѣглыя замѣтки, его дневникъ, его письма, его планы новыхъ произведеній,—обнимите все то, что онъ написалъ и что намѣревался написать,—и вы найдете, что нѣтъ ни одного явленія въ нашей современной и исторической жизни, котораго не коснулось-бы его сердце и умъ. Онъ первый предсказалъ паденіе рабства „по манію царя,“ онъ первый говорилъ о нашемъ возрожденіи, свободѣ и независимости человѣка, и первый произнесъ: „да здравствуетъ разумъ!“

Онъ еще юношей стремился заставить русскихъ полюбить наше отдаленное прошлое, гдѣ „русскій духъ, гдѣ Русью пахнетъ,“ и поэтической фантазіей воскресилъ картины прошлаго. Русскій человѣкъ въ немъ сказался прежде всего, и притомъ русскій безпристрастный художникъ, который и въ Пугачевѣ нашелъ человѣка, вопреки всѣмъ преданіямъ и господствовавшему мнѣнію. Въ немъ жилъ свободный духъ настоящаго генія, который какъ молнія, освѣщаетъ мракъ, какъ громъ, заставляетъ содрогнуться. Чарующей, несравненной поэзіей онъ вливалъ въ душу и любовь, и радость,

и жалость къ падшимъ, и народную гордость, и прелесть слова, и сладость молитвы, и вѣру въ будущее. Какъ онъ умѣлъ понять въ царѣ гражданина, работника и царя, который „съ подданнымъ мирится, кружку пѣнитъ съ нимъ одну и въ чело его цѣлуетъ, свѣтелъ сердцемъ и лицомъ.“ Онъ воспѣлъ основателя Петербурга изумительными по мончи, сжатыми и звучными стихами и началъ писать его исторію. Онъ воспѣлъ русскій народъ въ его преданіяхъ и бытѣ; онъ призывалъ къ нему любовь и уваженіе; онъ воспѣлъ русскую женщину и поставилъ ей вѣчный памятникъ въ лицѣ Татьяны; онъ далъ незабвенные типы русскихъ людей прошлаго и настоящаго; онъ далъ образцы всему разнообразію словесности—лирикѣ, драмѣ, журналистикѣ. Онъ далъ намъ чудесный языкъ, великолѣпный въ своей гордой простотѣ и ясности,—русскій языкъ. Онъ его не подслушалъ только у русскаго народа; онъ воспринялъ его во всемъ его удивительномъ разнообразіи, освѣтилъ его своимъ геніемъ и влилъ въ формы своихъ превосходныхъ произведеній, которыя крѣпче сохраняютъ его, чѣмъ мраморъ и бронза. Его стихи и проза остаются для насъ до сихъ поръ идеаломъ чистоты, силы и художественности. Онъ не забылъ народностей, которыя

вошли въ составъ русскаго царства. Между его героями и героинями есть, кромѣ великороссовъ, малороссы, татары грузины, черкесы, поляки, финны, цыгане. И во всѣхъ этихъ народностяхъ онъ находилъ человѣческія черты и образомъ „человѣка“ звалъ всѣхъ къ единенію. Онъ творилъ свои произведенія, какъ всероссійскій поэтъ, поэтъ духовнаго объединенія. Какъ государи, собиратели Руси, дѣйствовавшіе политическимъ умомъ и опытомъ, воздвигавшіе престолъ всея Руси, онъ собиралъ Русь чудесными произведеніями своего генія, онъ создавалъ памятникъ не себѣ только, къ которому „не заростетъ народная тропа,“ но памятникъ русскому духу, русскому языку, русской культурѣ. Онъ воздвигнулъ такой высокій, такой сіяющій престолъ русскаго словеснаго творчества, что онъ виденъ со всѣхъ концовъ Россіи, и ласкающій блескъ его свѣтитъ и ребенку, и юношѣ, и взрослому. Если русская литература и русская мысль пошли дальше послѣ его смерти, то потому, что онъ заложилъ твердое вѣчное основаніе для нея. Онъ какъ-бы завѣщалъ своимъ потомкамъ: „идите дальше, поднимайтесь выше! Вы достойны стать на ряду съ другими великими народами.“ И онъ доказалъ своимъ всеобъемлющимъ геніемъ, своими широкими воззрѣні-

ями, своей поэтической глубиной, проникающей во все изгибы человеческого мозга, что русский народъ -- действительно великій народъ.

Въ заключеніе привожу стихотвореніе *Щеткиной-Кутерникъ*, какъ одно изъ лучшихъ стихотвореній, посвященныхъ памяти А. С. Пушкина. Вотъ оно:

„Есть міръ безсмертія. За гранями земного
Есть царство свѣтлое чистѣйшей красоты.
Оттуда къ намъ идей живая мысль и слово
Живой поэзіи волшебные цвѣты...

Изъ царства этого прекраснаго, святаго
Ветховень звуки бралъ и образы Капова
И краски дивныя изящный Рафаэль.
Тотъ міръ -- гармоніи и правды колыбель.
Оттуда къ намъ пришелъ великій нашъ
учитель.

Чтобъ покорять умы и пробуждать сердца;
Не долго медлилъ онъ: вѣлѣніемъ Творца
Опять отозванъ былъ въ ту свѣтлую обитель.
Но рано онъ ушелъ: въ расцвѣтѣ лѣтъ и
силъ.

О, если-бы онъ жилъ! Счастливая Россія!
Какъ онъ умѣлъ любить, какъ онъ тебя
любилъ!

Какъ генія его могучая стихія
Умѣла обнимать весь край, весь край родной,
И сколько-бъ онъ еще принесъ тебѣ для
славы!

Быть можетъ, и поднесъ широкою волной
Текли его стихи, прекрасны, величавы,
Онъ отдалъ-бы тебѣ весь дивный геній свой:
Живое золото своей блестящей прозы,

Своей поэзіи чарующія грезы,
Творенія любви иль жалости живой.
Сестры прелестныхъ музъ— исторіи скрижали
Его-бы эпосомъ плѣнительнымъ блистали.
Быть можетъ и поднесъ онъ былъ-бы между
насъ...

Но горе! Нѣтъ его, безвременно угасъ.
Угасъ! Гдѣ-жъ тѣ слова, гдѣ рѣчи тѣ найти,
Что были-бы тебя, великаго, достойны?
Поэтовъ нынѣшнихъ неясны намъ пути,
Напѣвы робкіе несмѣлы и нестройны,
И нѣтъ наслѣдника, достойнаго тебя.

Я знаю, онъ придетъ, невѣдомый избраш-
никъ,
Изъ царства свѣтлаго божественный послан-
никъ,

Какъ ты, поэзію и правду возлюбя.
Пускай-же онъ тогда хвалу тебѣ слагаетъ.
И мы, признавъ его преемникомъ твоимъ,
Ему наслѣдіе твое передадимъ.
Но нѣтъ еще его желаннаго Мессіи,
Царя поэзіи: пустуетъ тронъ въ Россіи.
А мы? Мы можемъ лишь, смущенныя сердца,
Смирренно лепетать судьбѣ жестокой пени
И, горды славою его священной тѣни,
Вѣнчать безсмертіемъ великаго пѣвца!“

IV. Рѣчь ученика VIII класса, Н. Воейкова: „Воспитательное значеніе поэзіи Пушкина.“

Пушкинъ не только нашъ величайшій
поэтъ, но у насъ не было до сихъ поръ
писателя выше Пушкина, никто даже не

приближался къ нему по размѣрамъ своего гения. Пушкинъ былъ истинно-русскимъ человѣкомъ, истинно-національнымъ поэтомъ, а потому его произведенія одинаково понятны во всѣхъ слояхъ общества. Пушкинъ создалъ русскій литературный языкъ и положилъ начало изящной литературѣ, которая до него, такъ сказать, блуждала въ потемкахъ, не находя дороги. Гоголь говоритъ: „въ Пушкинѣ, какъ въ лексиконѣ, заключалось все богатство, гибкость и сила нашего языка.“ Пушкинъ глубоко понималъ важность европейскаго просвѣщенія для Россіи, но въ то-же время сознавалъ и вредъ, приносимый недостаточнымъ пониманіемъ этого просвѣщенія. Онъ понималъ и воспринималъ все, что было въ Европѣ великаго, но не подчинился ничему. Онъ перевоплощался въ европейца, по выраженію Достоевскаго, но съ тѣмъ, чтобы снова выйти изъ этого „первоплощенія“ самимъ собой. Поэтому Пушкинъ не только отецъ нашей изящной литературы, но онъ наша слава, наша гордость! Каждому изъ насъ извѣстно, что гениальныя произведенія литературы неотразимо вліяютъ на умъ и сердце человѣка, а потому эти произведенія могутъ имѣть важное воспитательное значеніе, развивая въ каждомъ изъ насъ тѣ духовныя качества, которыя пожелаетъ

внүшить намъ великій поэтъ. Въ этихъ произведеніяхъ мы видимъ типы различныхъ людей, какъ положительные, такъ и отрицательные: сочувствуемъ этимъ типамъ, даже подражаемъ имъ, или-же получаемъ къ нимъ полную антипатію. Затѣмъ, каждый гениальный писатель открываетъ намъ что-либо новое въ общественной обстановкѣ и во взаимныхъ отношеніяхъ людей и высказываетъ свои личные взгляды по поводу различныхъ сторонъ нравственной жизни, расширяя тѣмъ самымъ нашу умственный кругозоръ. Въ произведеніяхъ великихъ писателей мы видимъ полную и вѣрную картину современной имъ жизни, а потому, можно сказать, въ произведеніяхъ каждаго великаго писателя всецѣло „отражается вѣкъ и современный человѣкъ.“ Все это мы находимъ въ произведеніяхъ бессмертнаго Пушкина, который, по словамъ Гоголя, „есть явленіе чрезвычайное и, быть можетъ, единственное явленіе русскаго народа“, а Достоевскій присовокупляетъ къ этому слово „пророческое.“

Переходя отъ общаго къ частному, рассмотримъ вкратцѣ нѣкоторые воспитательные образцы, оставленные намъ Пушкинымъ въ его великихъ произведеніяхъ. Остановимся прежде всего и нѣсколько подробнѣе на знаменитомъ романѣ — „Евге-

ний *Онѣгинъ*," - на этомъ, по словамъ Бѣлинскаго, „самомъ задушевномъ“ произведеніи Пушкина, гдѣ личность нашего геніальнаго поэта отразилась ярче и яснѣе, чѣмъ въ другихъ его произведеніяхъ, и гдѣ вѣрное изображеніе нашего свѣтскаго общества двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія облечено въ такую привлекательную форму, что почти вся грамотная Россія знала его въ свое время наизусть. Достоинство этого романа тѣмъ выше и значительнѣе для насъ, что онъ былъ первымъ блистательнымъ опытомъ въ этомъ родѣ, не только указавшимъ новый путь нашей литературѣ, но и создавшимъ среди русскаго общества читателей. Въ этомъ произведеніи наше вниманіе обращаютъ на себя, главнымъ образомъ, два типа: самъ герой романа. Евгенийъ Онѣгинъ, и Татьяна. Едва ли симпатія читателя будетъ на сторонѣ Онѣгина, который представляетъ собою вполне отрицательный типъ свѣтскаго человѣка, скучающаго, презрительно ко всему относящагося, почти бездушнаго существа. Нигдѣ онъ не можетъ найти себѣ мѣста, всюду скучаетъ и всѣмъ недоволенъ. Но этого мало. Желая немного развлечься, позабавиться, онъ дѣлаетъ зло другимъ людямъ, даже самымъ близкимъ, что и выразилось, между прочимъ, въ томъ, что онъ

отъ скуки началъ ухаживать за невѣстою своего друга, Ленскаго, — Ольгой. Она, какъ неопытная, простодушная деревенская барышня, не понимающая того, что Онѣгинъ просто, ради развлечения, оказываетъ ей вниманіе, отвѣчаетъ ему тѣмъ-же. Результатомъ всего этаго и была дуэль Онѣгина съ Ленскимъ и смерть послѣдняго. И всему этому виною скука, скука и скука! Однако, что-же это за такая ужасная скука, заставляющая причинять зло другимъ?

Державинъ, еще въ прошломъ столѣтіи, сказалъ:

„Живи и жить давай другимъ,
Но только не на счетъ другого,
Доволенъ будь своимъ,
Не трогай ничего чужого“.

Очевидно, Евгений Онѣгинъ, учившійся „чему-нибудь и какъ-нибудь“, понималъ это житейское правило въ одномъ только грубомъ смыслѣ.... Но развѣ причинять другому человеку кровную обиду для собственнаго развлечения и не заботиться о послѣдствіяхъ этого не есть жизнь на счетъ другого? Развѣ посягательство на честь кого-нибудь не хуже всякаго воровства или даже грабежа? Думается, что это нравственное посягательство будетъ еще чувствительнѣе всякаго матеріальнаго. А въ концѣ романа Онѣгинъ, всплывшій

вдругъ страстью къ Татьянѣ, любовь которой прежде онъ отвергъ такъ холодно, развѣ не выказываетъ себя безхарактернымъ, бездушнымъ человѣкомъ? Почему, напримѣръ, сначала онъ отвернулся, а послѣ влюбился въ Татьяну?

Только потому, что увидаль ее въ новомъ, болѣе блестящемъ, положеніи по внѣшности, такъ какъ Евгенія Онѣгина могла привлекать только красивая и блестящая внѣшность, а на внутренній міръ человѣка онъ никогда не обращалъ должнаго вниманія.... Та дѣвочка, которой онъ пренебрегалъ въ смиренной долѣ, хотя и оставалась по своему внутреннему содержанію такою-же, какъ прежде, но сдѣлалась въ глазахъ Онѣгина уже привлекательнѣе потому, что превратилась въ гордую великосвѣтскую барыню. Конечно, всякій, прочитавшій этотъ романъ, съ негодованіемъ будетъ относиться къ подобнымъ людямъ, какъ Евгений Онѣгинъ, которые, по справедливости, могутъ назваться высокоумѣнными и безсердечными эгоистами.

Такіе господа живутъ обыкновенно только для себя и не могутъ понять, что счастье людей заключается въ ихъ единеніи и сближеніи между собой, такъ какъ общіе интересы не противорѣчатъ част-

нымъ, а восполняютъ ихъ,—и наоборотъ. Зато какъ симпатиченъ образъ Татьяны, этой Пушкинской Свѣтланы!

Въ ея лицѣ Пушкинъ изобразилъ идеальную русскую женщину, которую онъ первый замѣтилъ и вознесъ на должную высоту. Татьяна—натура богатая, впечатлительная, способная къ глубокому и разностороннему развитію. Она умѣла горячо любить и молчаливо переносить душевныя страданія, а потому она могла смѣло отвѣтить Онѣгину:

„Я васъ люблю (къ чему лукавить),
Но я другому отдана
И буду вѣкъ ему вѣрна“.

Эта коротенькая фраза объясняетъ все глубокое, идеальное міровоззрѣніе Татьяны, для которой исполненіе долга и сохраненіе своей чести не пустыя громкія слова, а самая насущная потребность, безъ которой нельзя жить на свѣтѣ.

Далѣе, возьмемъ для примѣра тоже знаменитую и также распространенную среди читателей, написанную хотя и въ прозѣ, но поэтическую повѣсть Пушкина: „Кавказская дочка“.

Въ этой повѣсти нѣтъ особенно выдающихся типовъ, какъ сейчасъ указанные въ Евгеніи Онѣгинѣ, а дѣйствуютъ простые, такъ сказать, будничные русскіе люди.!

Комендантъ Бѣлогорской крѣпости Иванъ Кузьмичъ Мироновъ и кривой поручикъ Иванъ Игнатьевичъ не какіе-нибудь исключительные люди и не легендарные герои, а типичные представители нашего русскаго героизма, примѣры котораго встрѣчаются у насъ во время каждой войны. Такъ точно и Гриневъ отнюдь не представляетъ собою героя особенныхъ доблестей: онъ обыкновенный порядочный чело-вѣкъ, какихъ у насъ очень много.

Но измѣнника Швабрина, къ чести нашего дворянства и къ счастію всей Руси, можно назвать рѣдкимъ исключеніемъ. Наконецъ, нельзя не обратить вниманія и на героиню повѣсти—Марью Ивановну. Въ ней нѣтъ идеаловъ и совершенствъ, какъ въ Татьянѣ, которая идетъ во имя долга и чести наперекоръ своему чувству: Марья Ивановна, наоборотъ, дѣйствуетъ изъ любви къ Гриневу. Но зато Марья Ивановна—живое воплощеніе тѣхъ религіозно-нравственныхъ началъ русскаго міросозерцанія, которыя усвоены большинствомъ русскихъ женщинъ. Марью Ивановну и нельзя равнять съ Татьяной: она ожидаетъ въ награду за свою борьбу радости и благополучія для себя лично, а Татьяна хорошо знаетъ, что результатомъ ея борьбы должна быть утрата надежды на счастье и разби-

тое сердце. Однако-же, несмотря на то, что въ „Капитанской дочкѣ“ нѣтъ выдающихся типовъ, изъ нея можно почерпнуть много полезнаго и необходимаго въ воспитательномъ отношеніи.

Не имѣя времени останавливаться на прочихъ крупныхъ произведеніяхъ гениальнаго поэта, не могу не обратить особаго вниманія на его историческую драму: „*Борисъ Годуновъ*“. Въ этой драмѣ Пушкинъ создалъ нѣсколько сценъ, равныхъ по силѣ выраженія Шекспировскимъ, въ „Макбетѣ“. Въмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь превосходно изображены многіе характеры историческихъ лицъ и въ особенности тревожное состояніе души Бориса Годунова, который хоть и достигъ желаемой имъ самимъ высшей власти, но въ концѣ-концовъ восклицаетъ:

„И радъ бѣжать, да некуда... Ужасно!

Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста!“

Въ той-же драмѣ прекрасный монологъ патріарха о чудѣ святого царевича Димитрія изображаетъ намъ древнюю Русь съ ея духовною красотой.

Точно также и всѣ остальные произведенія Пушкина, какъ крупныя, такъ и мелкія, проникнутыя патріотизмомъ и другими высокими чувствами, должны быть признаны важными въ воспитательномъ отношеніи, такъ какъ эти добрыя чувства

невольно сообщаются читателю, развивая въ немъ вѣру въ человѣческое достоинство, смягчая нравы и укрѣпляя честность и правду въ нашихъ взаимныхъ дѣлахъ и отношеніяхъ.

Сколько, на примѣръ, патриотизма мы видимъ въ „стансахъ“ Пушкина, посвященныхъ Петру Великому, съ которымъ онъ сравниваетъ Императора Николая Павловича:

„Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни;
Начало славныхъ дней Петра
Мрачили мятежи и казни,
Но правдой онъ привлекъ сердца,
Но нравы укротилъ наукой,
И былъ отъ буйнаго стрѣльца
Предъ нимъ отличенъ Долгорукой.
Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщеніе,
Не презиралъ страны родной:
Онъ зналъ ея предназначенье.
То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.
Семейнымъ сходствомъ будь-же гордъ;
Во всемъ будь пращурю подобенъ:
Какъ онъ неутомимъ и твердъ,
И памятью, какъ онъ, незлобенъ.“

„Какое здѣсь“, по словамъ Бѣлинскаго, „величіе и какая простота выраженія!“

Когда-же враги Россіи, воспользовавшись „волненіемъ Литвы“, начинаютъ осыпать клеветами Россію, оскорбленное патриотическое чувство поэта изливается въ чудномъ стихотвореніи: „Клеветникамъ Россіи“ величаво-грознымъ призывомъ:

„Такъ высыпайте-жь намъ, витіи,
Своихъ озлобленныхъ сыновъ;
Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи
Среди печуждыхъ имъ гробовъ!“

Что-же касается доброжелательности, которою проникнуты многія произведенія Пушкина, то, мнѣ кажется, она ярче всего выразилась въ томъ благодарномъ чувствѣ, съ какимъ онъ воспоминаетъ всѣхъ своихъ лицейскихъ наставниковъ, провозглашая такой заздравный тостъ:

„Наставникамъ, хранившимъ юность нашу,
Всѣмъ честію и мертвымъ, и живымъ,
Къ устамъ подвявъ признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадимъ!“

Такимъ образомъ мы видимъ, что Пушкинъ былъ не только геніальный поэтъ, но и сердечный, благородный, откровенный человѣкъ и горячій патриотъ.

Извѣстный польскій поэтъ, Мицкевичъ, знавшій Пушкина очень близко, сказалъ про него въ своихъ воспоминаніяхъ, что ни одной странѣ не суждено болѣе, чѣмъ одинъ разъ, произвести человѣка съ такими необыкновенными и въ то-же время

столь разнообразными дарованіями, какъ-бы исключаящими, повидимому, другъ друга. Напримѣръ, Пушкинъ восхищалъ всѣхъ читателей своимъ талантомъ, а бесѣдующихъ съ нимъ удивлялъ живостью, ясностью, тонкостью своего ума. При этомъ „онъ обладалъ феноментальною памятью, строгою логичностью сужденій и утонченнымъ вкусомъ“.

Но главное для насъ въ томъ, что лира Пушкина пробуждала въ людяхъ „добрыя чувства“. Великій поэтъ, въ своемъ стихотвореніи: „Памятникъ“, имѣлъ полное право сказать:

„И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ по-
лезенъ,
И милость къ падшимъ призывалъ“.

Изъ этихъ словъ, а также изъ послѣдующихъ въ томъ-же стихотвореніи видно, что самъ Пушкинъ придавалъ важное воспитательное значеніе лучшимъ своимъ произведеніямъ, опредѣляя роль поэта, какъ общественнаго руководителя, направляя свою собственную поэтическую дѣятельность на разрѣшеніе жизненныхъ задачъ и сравнивая произведенія поэта съ словами пророка, который долженъ „глаголомъ жечь сердца людей“. И Пушкинъ продолжалъ-бы долго своимъ глаголомъ

жечь сердца людей, если-бы не быть поставленъ въ необходимость вращаться среди типичныхъ Онѣгиныхъ „большого свѣта“.

„Не вынесла душа поэта
Позора мелочныхъ обидь,
Возсталъ онъ противъ мнѣній свѣта,
Одинъ, какъ прежде—и убить!“

Къ этимъ словамъ Лермонтова, даровитѣйшаго ученика Пушкина, можно прибавить, что Пушкинъ, дѣйствительно, возставалъ противъ мнѣній свѣта, иронически восклицая:

„И даже глупости смѣшной
Въ тебѣ не встрѣтить, свѣтъ пустой!“

А потому и погибъ отъ руки одного изъ Онѣгиныхъ, о которомъ Лермонтовъ сказалъ:

„Его убійца хладнокровно
Навель ударъ—спасенья нѣтъ:
Пустое сердце бьется ровно,
Въ рукѣ не дрогнетъ пистолетъ.“

Хотя и погибъ преждевременно нашъ великій поэтъ, не успѣвъ окончить задуманныхъ произведеній, но во всякомъ случаѣ и оставленнаго имъ вполне довольно, чтобы съ полнымъ правомъ признать, что памятникъ, воздвигнутый Пушкинымъ себѣ и своему отечеству, дѣйствительно, памят-

никъ „нерукотворный“, къ которому „не заростетъ народная тропа“ и который надолго сохранится въ умѣ и сердцѣ благодарнаго потомства, воспитывая людей разныхъ сословій и всѣхъ возрастовъ многіе и многіе годы.

V. Рѣчь ученика VIII класса, С. Петрова.

„И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ
полезенъ,
И милость къ падшимъ призывалъ.“

Эти стихи выгравированы на памятникѣ Пушкину въ Москвѣ. Тургеневъ, присутствовавшій на торжествѣ открытія памятника, пишетъ, что ему пришлось слышать, какъ на вопросъ: „кому этотъ памятникъ!“ — въ народѣ говорили: это памятникъ учителю. Да, Пушкинъ былъ великій учитель русской земли! Едва-ли не лучше всѣхъ критиковъ-литераторовъ нантъ простой, умный народъ понялъ и оцѣнилъ Пушкина, назвавъ его учителемъ, но такимъ учителемъ, которому обязано своимъ воспитаніемъ все русское общество. Пушкинъ былъ призванъ „глаголомъ жечь сердца людей,“ сѣять среди нихъ идеи правды, мира и любви. Его служеніе—высшее, пророческое. Онъ

своей лирой пробудилъ въ насъ добрыя чувства, онъ научилъ насъ любить людей, любить прекрасное,—словомъ, онъ воспиталъ русское общество. Если Пушкинъ, по своей природѣ, былъ по преимуществу поэтъ-художникъ, то это только счастливое совпаденіе съ его нравственною личностью.— счастливое, но не болѣе. Я говорю „счастливое“ потому, что поэзія, какъ и вообще литература, служитъ прекраснымъ средствомъ въ дѣлѣ воспитанія. Пушкинъ легче и успѣшнѣе выполнилъ свое назначеніе воспитателя благодаря тому, что былъ гениальный поэтъ. Онъ умѣлъ свои идеи о воспитаніи облекать въ изящные образы, онъ привлекаетъ сердце и умъ читателя музыкальностью, мелодичностью своей рѣчи, его слова легко воспринимаются даже иногда безсознательно, благодаря своей чарующей словесной формѣ. Онъ—вдохновенный воспитатель, онъ—учитель-поэтъ. Онъ, вѣрный призванію поэта, служилъ истинному искусству поэзіи, вмѣстѣ съ тѣмъ служилъ великому дѣлу воспитанія своей родины. Онъ своею поэзіею пробудилъ, вызвалъ къ дѣятельности благороднѣйшія движенія души. Онъ не былъ поэтомъ-художникомъ, произведенія котораго оставляютъ въ душѣ читателя чувство досады, чувство разочарованія, которыя разгоряча-

ють воображеніе своимъ поэтическимъ вымысломъ,—нѣтъ, онъ, по выраженію Бѣлинскаго, былъ воспитателемъ юнаго, гуманно-изящнаго чувства въ человѣкѣ. „Нѣтъ у насъ такого великаго поэта, какъ Пушкинъ, который могъ-бы такъ сильно вліять на нравственное воспитаніе“, говоритъ тотъ-же Бѣлинскій. Пушкинъ не только воспѣлъ прекрасное,—онъ воспиталъ въ насъ идею прекраснаго. Онъ не только воспѣлъ Петра Великаго, этаго энергичнаго, геніальнаго, царственнаго труженика, который, какъ электрическимъ ударомъ, своими реформами, своимъ геніемъ далъ нашей родинѣ новую дѣятельную жизнь,—нѣтъ, онъ этимъ поэтическимъ образомъ воспиталъ въ насъ идею патріотизма, идею возвышеннаго, сознательнаго и дѣятельнаго сочувствія славы и пользы родины, лучшимъ началомъ нашего добраго русскаго народа! Словомъ, Пушкинъ былъ геніальнымъ нашимъ воспитателемъ въ строго христіанскомъ духѣ. Не лишнимъ, мнѣ кажется, замѣтить, что этотъ идеаль, проповѣдникомъ котораго былъ Пушкинъ въ своей поэзіи, высокъ и благороденъ по цѣли. Онъ неизмѣримо выше и совершеннѣе тѣхъ идеаловъ воспитанія, которые намъ оставилъ древній міръ,—идеаловъ, которые отличаются крайностями, практическимъ характеромъ, узко спеціали-

зированнымъ для достиженія тѣхъ или другихъ цѣлей и выгодъ у известнаго племени или народа. Эти идеалы были, такъ сказать, человѣческаго, земного происхожденія, —временные. Совершенно новый элементъ вноситъ христіанство въ идеальное воспитанія, —элементъ, котораго вообще не было въ жизни людей древняго міра, величественнаго по внѣшности, но бѣднаго по содержанію, —элементъ, котораго недоставало ему, при всей его колоссальности, но котораго онъ инстинктивно, смутно, настойчиво, вѣками искалъ.

Идея христіанской любви, въ силу которой мы должны дѣлать другимъ то, чего желаемъ получить отъ другихъ, указываетъ на высокое превосходство христіанства подъ древнимъ міромъ. Эта любовь, проявленіе которой до крайности разнообразно, и служитъ основною темою всей поэзіи Пушкина. Эта черта поэзіи Пушкина дѣлаетъ его великимъ поэтомъ не только Россіи, но и всего человѣчества: онъ воспитываетъ всякаго читателя, и притомъ воспитаніе, которое онъ сообщаетъ, есть идеальное. Въ трагедіи „Борисъ Годуновъ“, въ рассказѣ о чудѣ св. Димитрія-царевича поэтъ умиляетъ насъ своимъ сочувствіемъ силѣ вѣры нашего народа, самъ раздѣляетъ вѣру слѣпота старика въ благодат-

ную, исцѣляющую силу. Пушкинъ не разъ высказалъ въ своихъ произведеніяхъ благоговѣніе къ церкви и высокій взглядъ на просвѣтительное значеніе нашихъ монастырей и духовенства. Его стихотворенія: „Великопостная молитва“, „Пророкъ“ и др. подтверждаютъ нашу мысль о религіозности поэта. Пушкинъ проповѣдуетъ евангельскую любовь къ врагамъ. Онъ въ Пугачевѣ, этомъ отъявленномъ злодѣѣ, сумѣлъ найти черты добрыя; онъ первый изъ современниковъ вполнѣ оцѣнилъ врага Россіи—Наполеона. Пушкинъ касается очень важнаго элемента въ воспитаніи—чувства состраданія къ животнымъ:

„Въ чужбинѣ свято соблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При свѣтломъ праздникѣ весны.
Я сталъ доступенъ утѣшенью;
За что на Бога мнѣ роптать,
Когда хоть одному творенью
Я могъ свободу даровать!“

Пушкинъ-же первый изъ нашихъ поэтовъ возвысилъ чувство любви къ женщинѣ. Это чувство по своей природѣ очень разнообразно; Пушкинъ возвелъ его на истинную высоту. Татьяна своею женственностію заставила Онѣгина, этого свѣтскаго фата, преклониться передъ нею съ

уваженіемъ, съ раскаяніемъ. Какой чудный урокъ юношамъ далъ Пушкинъ своимъ поэтическимъ образомъ, своею „милою“, какъ онъ ее называетъ, Татьяною.

Пушкинъ любилъ свой языкъ, свою литературу и далъ прекрасныя характеристики предшествующихъ писателей. Ту же любовь онъ завѣщалъ и намъ, его потомкамъ. Пушкинъ съ рѣдкою, глубокою признательностью вспоминаетъ о своей нянѣ, товарищахъ и мѣстѣ воспитанія. Онъ очень многому учитъ насъ въ своихъ стихотвореніяхъ, посвященныхъ памяти нищихъ, лицейцевъ. Онъ самъ горячо любилъ свое отечество и, по мѣрѣ силъ, своею дѣятельностью способствовалъ славлѣ и пользѣ родины. Онъ первый такъ вѣрно понималъ наше отношеніе къ Европѣ:

„Европа намъ чужая,
Оставьте насъ...
Вамъ непонятна, вамъ чужда
Сія семейная вражда.
Для васъ безмолвны Кремль и Прага!“

Говоритъ онъ иностраннымъ недоброжелателямъ, врагамъ Россіи. Во всѣхъ его произведеніяхъ имя Москвы вызвало отрядныя воспоминанія, возбуждало чувство глубокаго патріотизма.

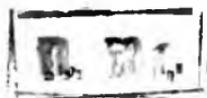
„Нѣтъ, не пошла Москва моя
Къ нему съ повинной головой.“

Не праздникъ, не пріемный даръ,—
Она готовила пожаръ
Нетерпѣливому герою“,

говоритъ онъ. Но всего лучше, ярче и опредѣленнѣе выразилось чувство высоко-наго патріотизма въ тѣхъ его произведеніяхъ, гдѣ онъ рисуетъ на тронѣ вѣчнаго работника, гениальнаго Петра Великаго. „Свѣжая духовная гармонія, какъ яркое сіяніе солнца, просвѣчиваетъ сквозь всю его поэзію и всегда при самомъ страшномъ отчаяніи подаетъ надежду на утѣшеніе. “Укрѣпительную, живую силу испытываетъ всякій, кто будетъ читать поэзію Пушкина“, говоритъ Катковъ.

Какъ истинный христіанинъ, Пушкинъ, дѣйствительно, учитъ насъ смотрѣть правильно, трезво на жизнь; онъ утѣшаетъ насъ своею поэзіею.

„Если жизнь тебя обманетъ,
Не печалься, не сердись!
Въ день унынія смирись;
День веселья, вѣрь, настанетъ,
Сердце въ будущемъ живетъ,
Настоящее уныло;
Все мгновенно, все пройдетъ,
Что пройдетъ, то будетъ мило!“

50x

56

101